

Моск. правда. - 2002 - 7 марта. - с. 4

«Отечества отцы» и дети перестройки

После того, как роман Тургенева «Отцы и дети» был занесен, словно в Красную книгу, в школьную программу, его перестали читать. Теперь его принято проходить. И проходить зачастую мимо него: за казенными формулами «конфликт отцов и детей», «нигилизм, как форма протеста» и прочая, не утруждая себя прочтением. Без насилия над текстом, смыслом и собой.

НЕЛЬЗЯ сказать, что роман родился в муках. Между замыслом и выходом романа в свет прошло не более двух лет. Первые упоминания о нем встречаются в письмах Тургенева в августе 1860 года. Но изданию предшествовало множество любопытных событий, не уступающих по занимательности страницам книги.

Составляя план, Тургенев подумывает и о месте публикации. Двери «Современника», в котором первую скрипку играют Чернышевский и Добролюбов, для него наглухо закрыты. Революционные демократы не могут простить ученику Белинского человеческих отношений и забвения общественных идеалов, пустопорожнего влечения к красоте природы.

И писатель решает отдать рукопись в либеральный журнал «Русский вестник», к Каткову, который как раз в это время ведет полемику с «Современником».

Начинается долгая, «кровавопролитная» борьба Тургенева с Катковым. Претензии последнего сводятся к тому, что автор незаслуженно осмеля «отцов» и так же незаслуженно идеализировал радикальную молодежь.

Под давлением редактора «Русского вестника» автор вносит ряд изменений, добавлений, вставок, переписывает диалоги, но Катков не удовлетворен. Так что к концу работы над исправлениями отношения окончательно расстраиваются. В посланиях все больше преобладают фразы типа: «Не могу согласиться...». А в письме своему поверенному в деле публикации романа в журнале Анненкову Тургенев отзывается о редакторе «Русского вестника» с плохо скрываемой неприязнью и даже брезгливостью.

В 1861 году, за год до выхода романа в свет, у Тургенева происходит ссора со Львом Толстым, отношения с которым и без того оставались желать лучшего. Тургенев посылает Толстому письмо с вызовом на дуэль. Но конфликт неожиданно и к удовольствию обеих сторон разрешается миром. Письмо Толстого Тургеневу ставит точку в этом столкновении двух титанов русской литературы: «Милостивый государь, Вы называете в письме моем мой поступок бесчестным,

кроме того, Вы лично сказали мне, что Вы «дадите мне в рожу», а я прошу у Вас извинения, признаю себя виноватым и от вызова отказываюсь».

Наконец в конце февраля во втором номере «Русского вестника» за 1862 год роман Тургенева «Отцы и дети» выходит в свет.

Как и ожидалось, вокруг романа сразу завязалась ожесточенная жур-

нальная полемика. Тургенев вынужден отражать удары и с «левого» фланга, где окопались революционные демократы, и с «правого», либерального.

Критик «Современника» Антонович пишет, что «Отцы и дети» представляют собой клевету на молодое поколение и панегирик «отцам», что роман Тургенева очень слаб в художественном отношении.

По поводу одной из самых колоритных личностей романа, Базарова, Тургенев вынужден даже оправдываться перед посчитавшими себя обиженными студентами в Гейдельберге и Герценем: «Штука была бы неважная представить его - идеалом; а сделать его волком и все-таки оправдать его - это было трудно...».

Спустя год после публикации иронический итог битве в журналах подвел Достоевский: «С каким спокойным самодовольствием мы отхлеста-

ли, например, Тургенева за то, что он осмелился не успокоиться с нами и не удовлетвориться нашими величавыми личностями и отказался принять их за свой идеал, а искал чего-то получше, чем мы... даже отхлестали мы его и за Кукшину, за эту прогрессивную вошь, которую вычесал Тургенев из русской действительности нам на показ, да еще прибавили, что он идет против эмансипации женщины».

СОВЕТСКАЯ критика прошла по роману асфальтовым катком, попытавшись пристегнуть его к одному из освободительных этапов революционного движения: «Полное и беспощадное отрицание оказывается оправданным как единственная в современных условиях серьезная попытка действительно изменить мир, покончив с противоречиями, которые не могут разрешить ни усилия общественных партий, ни влияние идеалов гуманистической культуры».

Тут бы под конец со слезами на глазах можно, слегка всхлипнув, воскликнуть, что вот наконец-то наступило то светлое время, когда с идеалами гуманистической культуры раз и навсегда покончено. А старый добрый нигилизм Базарова - старушечий лепет по сравнению с тем, что пришло ему на смену.

Но при всех симпатиях и антипатиях в отношении к образу нигилиста позапрошлого века стоит напомнить, что это был один из образованных людей своего времени. По крайней мере он неплохо разбирался в том, что отрицал. Ну а эпизод с помещицей Одинцовой, которую он любит и, не встретив взаимности, покидает ее дом, может служить образцом деликатности во все времена.

Дай Бог тем детям, которые придут на смену отцам эпохи перестройки, гласности и реформ, быть хоть когда-нибудь такими умными и образованными, каким был нигилист Евгений Васильевич Базаров.

А впрочем, один из самых тонких, воздушных, пленительных и солнечных романов XIX века может быть вовсе и не о противостоянии поколений отцов и детей. А о том коротком промежутке времени - между детством и отцовством, - когда жизнь раскрывается во всей своей полноте и прелести.

Но пусть дети прочитают роман попозже, когда повзрослеют. А отцы перечитают заново, если еще не помнили настолько, чтобы забыть о его существовании...

Игорь МИХАЙЛОВ.